

АЛЕКСАНДР КОЗЛОВ

*Тсс!*  
*или* ДОЖДЬ СВОИХ  
НЕ ОТПУСКАЕТ

18+

Александр Козлов

**Тсс! или Дождь своих не отпускает**

«Автор»

2026

**Козлов А.**

Тсс! или Дождь своих не отпускает / А. Козлов — «Автор», 2026

Москва тонет в дожде, который не прекращается больше трех недель. Город задыхается от сырости, но вода — не главная угроза. В лужах, витринах и мокрых стеклах отражаются не те, кто в них смотрит...Вера, архитектор дождевых систем, теряет свое отражение в лифте собственного дома. В тот же день ее бывший муж, следователь Илья Штормов, рассказывает о двадцати трех бесследно исчезнувших — все в дождь, все возле воды. Но настоящий ужас приходит ночью: в оконном стекле появляется младшая сестра Веры, пропавшая полгода назад. Она вернулась и просит помочь, но она пришла не одна. Под Москвой, в подземных реках и мокрых отражениях, живет другой город — перевернутый, населенный теми, кого вода забрала. Чтобы вернуть сестру, Вере придется добровольно шагнуть в отражение. Но из Москвы-в-отражении не возвращаются. Только если кто-то — по любви — не согласится занять твое место. Визуальное оформление обложки выполнено при поддержке ИИ-сервисов «Алиса Про» и GigaChat

© Козлов А., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

Глава 1. Отражение	5
Глава 2. Мокрая тьма	8
Глава 3. Оцепенение	11
Глава 4. Не ищи меня	14
Глава 5. Уязвимость	17
Глава 6. Стеклянная Майя	20
Глава 7. Не из-за нее	23
Глава 8. Ночь без обязательств	26
Глава 9. Послание	29
Глава 10. Точка невозврата	32
Глава 11. Закон воды	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

# Александр Козлов

## Тсс! или Дождь своих не отпускает

### Глава 1. Отражение

Дождь обрушился на город двадцать три дня назад и с тех пор не умолкал ни на час. До этого Вера полгода убеждала себя, что апрельская трагедия — случайность, единичный кошмар, который никогда не повторится. Дождь доказал обратное.

Вера забросила прогнозы еще на второй неделе. К тому моменту она уже знала: то, что началось в апреле с исчезновения Майи, теперь вышло на улицы. Дождь не причина, а продолжение — вода нашла новый способ говорить.

Поначалу Вера вместе со всей Москвой высматривала просвет в небе — не может же лить вечно, в конце концов, октябрь, а не сезон муссонов. Первый день впечатался в память с пугающей отчетливостью: капли застучали по карнизу во вторник утром, она выглянула в окно и подумала — ну, осень.

К обеду улицы плыли, размываясь под тяжестью воды, а к вечеру остановились три ветки метро. На «Маяковской» вода хлынула в вестибюль — не просочилась, не натекла, а именно хлынула, единым мощным потоком, сбивая людей с ног и швыряя их к стенам. Вера видела запись с камер: пассажиры карабкались на поручни, цеплялись за перила, скользили и снова лезли вверх, а вода все прибывала — темная, маслянистая, тяжелая, и в ней, как в кривом зеркале, отражались перекошенные лица.

Одна женщина — Вера запомнила ее, потому что не могла забыть, — стояла по колено в потоке и смеялась. Не кричала, не звала на помощь и не пыталась спастись, а истерически хохотала, запрокинув голову к потолку, где мигали и гасли лампы. Потом наклонилась, всматриваясь в свое отражение. Долго изучала его, как будто видела впервые, и тихо, одними губами произнесла: «Наконец-то». Камера четко зафиксировала эти слова, а диктор позже нервно шутил о «странном поведении пассажиров». После этого она исчезла под водой — просто растворилась в луже глубиной по колено, без всплеска и следа. Диктор назвал случившееся «аномалией», но за его бодростью скрывался явный страх.

На следующий день кошмар повторился на «Третьяковской». Мужчина в деловом костюме, с портфелем и галстуком, сбившимся набок, стоял у зеркальной колонны и разговаривал с отражением. Сначала тихо, шепотом, потом все громче, срываясь на крик, а затем и вовсе начал биться лбом о холодную поверхность зеркала, раз за разом, пока не раскроил череп. Кровь растекалась по полу, смешиваясь с каплями конденсата, а отражение, сказали свидетели, ни разу не шевельнулось. Просто стояло и улыбалось, наблюдая, как человек перед ним медленно оседал, пока наконец не затих.

Случай произошел и на «Киевской». Пожилая женщина застыла посреди зала, глядя в пустоту, а вокруг нее кружились капли воды, повинувшись невидимому ритму. Потом кружение капель стало просто частью городского шума, и никто уже не замечал этого — или делал вид, что не замечает. Город еще цеплялся за привычный порядок: автобусы выезжали по расписанию, светофоры мигали, люди раскрывали зонты и бежали по лужам, веря, что завтра распогодится.

Но завтра не распогодилось. И послезавтра тоже. Ожидание схлынуло, выдохлось, оставив после себя практичную, почти тюремную дисциплину выживания. Люди научились обходить затопленные участки, проверять зеркала перед тем, как войти в помещение, и не задерживаться взглядом на собственных отражениях дольше пары секунд.

Вера купила вторые резиновые сапоги — первые не просыхали даже за ночь возле батареи — и переложила в сумку запасные носки, завернутые в полиэтилен. Тогда же начала замечать, что прохожие отводят глаза от луж. Не просто перешагивают — отводят, как от чужой беды. А некоторые — Вера видела дважды — наклонялись к воде и что-то шептали, прижав ладонь к мокрому асфальту. Один раз она даже поинтересовалась у женщины, что та делает. Женщина подняла пустые глаза и сказала: «Передаю привет сыну. Он там», — и ушла с облегчением. Вера не стала ее догонять.

Спустя еще несколько дней она отучила себя вздрагивать, когда порыв ветра швырял в окно пригоршню капель. Звук бил картечью, резко и дробно, и поначалу каждый такой залп отзывался внутри электрическим разрядом. Этот грохот стал частью повседневности — его перестаешь замечать, как дыхание или биение сердца.

Сегодняшний день, понедельник это или вторник, слился с предыдущими в бесконечную ленту мокрого асфальта и свинцового неба. Дни недели и числа перестали иметь значение. Время теперь измерялось не по календарю, а по тому, насколько промокла одежда и сколько чашек чая выпито.

Вера вернулась домой затемно — задержалась на объекте: на Новом Арбате переделывали узел водоотвода. Типовой проект захлебывался, не справляясь с аномальным потоком, и строительная площадка неотвратимо превращалась в болото. Экскаватор стоял по самую кабину в жидкой глине, рабочие ходили злые, а прораб прятал глаза.

Она простояла три часа под навесом из полиэтилена, сверяя чертежи с реальностью, пока не охрипла, объясняя, что коллектор необходимо расширять, а не латать. Прораб кивал, курил, стряхивая пепел прямо в лужу под ногами, и ничего не делал. А перед ее уходом сказал — тихо, глядя в сторону:

— Вы бы поосторожнее, Вера Андреевна. Тут на прошлой неделе такое было... Сварщик наш, Коля, стоял у лужи, курил. А потом наклонился, как будто что-то увидел. Я его окликнул — он не ответил. Подошел ближе, а он уже по пояс в воде. И лицо такое... спокойное. Как у святого на иконе. Я его за плечо схватил, дернул, а он не идет. И говорит: «Не мешайте, я сейчас». И улыбается. А потом просто... ушел. С головой. В лужу, Вера Андреевна. В обычную лужу глубиной по щиколотку. Мы ее потом перерыли — там только асфальт. Но знаете, что самое страшное? Он до сих пор мне снится. Каждую ночь. Стоит, машет рукой и зовет по имени.

Прораб замолчал. Достал новую сигарету, прикурил — пальцы у него дрожали крупной, старческой дрожью, хотя мужику от силы лет сорок.

— Я в полицию звонил. Они сказали — переутомление, недосып, галлюцинации. Посоветовали больше отдыхать и меньше пить. А я не пью. И Коля не пил. И еще — он не один такой. Вчера крановщик Саня сказал, что видит своего отца в каждой луже. Отец у него умер три года назад. Утонул на рыбалке. Тело так и не нашли. А теперь стоит, говорит, под водой и улыбается. И Саня не идет, но держится. Но с каждым днем все ближе подходит. Вчера уже по щиколотку зашел. Я его оттащил. А сегодня он на работу не вышел. Телефон молчит.

Вера смотрела на прораба и молчала. Тот сплюнул, растер плевком сапогом и добавил, не глядя на нее:

— Вы, Вера Андреевна, если увидите кого в воде — не отвечайте. Что бы они ни говорили, как бы ни звали. Не отвечайте. Они уже не люди. Они — отражения. А отражениям верить нельзя.

— А кто-нибудь вообще понимает, что происходит?

— Власти молчат, ничего не комментируют, только обещают, что все под контролем...

— Бред какой-то, ей-богу!

Она ушла, и всю дорогу до дома перед глазами стояла картинка: человек уходит в лужу, как в дверь, а на поверхности остаются круги.

Подъезд встретил ее запахом сырой штукатурки. К нему примешивался острый, почти химический дух кошачьей метки — едкий, намертво въевшийся в бетон. Лампочка на втором этаже не горела третью неделю. Под ногами хрустнула россыпь штукатурки — темный провал на площадке. Жильцы то ли привыкли к темноте, то ли просто махнули рукой на все, что находилось за пределами их квартир.

Вера поднималась, ведя ладонью по холодным перилам, и шаги по бетонным ступеням звучали гулко, одиноко. Сосед сверху сегодня молчал — его перфоратор, терзавший перекрытия всю прошлую неделю, наконец затих. Тишина стояла почти неестественная, нарушаемая только шорохом дождя по жестяному козырьку.

Она задержалась на секунду, прислушиваясь. Сверху раздался скрип половицы — одинокий, без продолжения. Следом с пятого этажа донеслось тихое, ритмичное постукивание: кто-то бил костяшками пальцев по стеклу. Три коротких удара, два длинных, снова три коротких — SOS — и все стихло.

А потом Вера услышала шаги. Медленные, шаркающие, спускающиеся сверху. Имя Майи всплыло в голове раньше, чем она успела его запретить. Она стояла, вцепившись в перила, и слушала.

## Глава 2. Мокрая тьма

Шаги приближались. Ступенька за ступенькой. Вот они уже на площадке между четвертым и пятым этажами. Вот уже на четвертом. Вера замерла, тело перестало подчиняться. Шаги остановились прямо за ней. Внутри все похолодело — по спине пробежал ледяной сквозняк, повеявший сырой землей и речной водой.

Кто-то стоял сзади, совсем рядом. Она слышала его дыхание — влажное, неровное, с присвистом. Вода капала — кап, кап, кап — прямо на бетонный пол.

— Вера, — произнес голос, тихий, знакомый до боли в сердце. — Вера, посмотри на меня.

Она не обернулась. Просто не смогла. Стояла неподвижно, вцепившись в перила мертвой хваткой, и чувствовала, как по щекам текут слезы. Голос Майи звучал так близко, так реально, что хотелось забыть обо всем — о предупреждении прораба, рассказах про отражения, даже о собственном страхе. Хотелось обернуться и увидеть сестру. Обнять ее, сказать, что все будет хорошо.

— Ты не хочешь на меня смотреть? — в голосе Майи послышалась обида. — Ты меня больше не любишь?

— Я люблю тебя, — прошептала Вера одними губами. — Но ты — не она.

За спиной сгустилась тишина. А потом — тихий, булькающий смех, какой бывает, когда вода попадает в горло.

— Умница, — произнес низкий, почти утробный голос, и теперь в нем звучало что-то чужое, древнее, как сама вода. — Ты умнее, чем я думал. Но это не спасет тебя. Ты уже слышишь зов, видишь их. Просто еще не знаешь.

Снова раздалися шаги. Теперь они уходили вверх — медленно, тяжело, волоча ноги. А потом наступила тишина, и только дождь продолжал свою бесконечную дробь по жестяному козырьку.

Когда все стихло, Вера еще с минуту стояла, держась за перила. Ноги не слушались, пальцы задеревенели. Тишина в подъезде стояла такая густая, что звенело в ушах. С трудом заставив себя оторваться от опоры, она на негнущихся ногах поднялась на площадку. Кнопка лифта горела мутным желтым глазком. Вера нажала ее, и когда двери разъехались с тем особенным металлическим стоном, который в панельных домах не меняется десятилетиями, шагнула внутрь. Этот звук она помнила с детства — еще с тех пор, когда приезжала к бабушке, цеплялась за мамину руку и боялась ступить в гулкую полутьму кабины. Детский страх никуда не делся — свернулся под диафрагмой и научился не беспокоить.

В кабине обессиленно прислонилась спиной к холодной стенке и на секунду прикрыла глаза. Сумка оттягивала плечо: ноутбук, мокрые чертежи в тубусе, пакет с кефиром, купленным у метро машинально. Она не любила кефир, но рука сама потянулась к знакомой упаковке, потому что мама всегда твердила: «Вера, пей кефир, это полезно для желудка». Мама твердила это тридцать лет подряд, и теперь Вера покупала его в каждом магазине — он стал для нее таким же привычным, как дыхание или моргание.

Трагедия грянула в апреле — задолго до дождя и всех этих аномалий, попавших в новости. Майя перестала отвечать на звонки, а через неделю ее телефон отключился совсем. Вера тогда еще верила, что мир устроен разумно, и искала объяснения: похищение, побег, секта. А потом начался дождь, и стало ясно: апрель не конец истории, а ее начало. И каждая секунда между пробуждением и забвением по-прежнему наполнялась одним вопросом — только теперь Вера боялась, что уже знает ответ.

Она открыла глаза. Двери лифта сомкнулись, отрезав звуки подъезда, и в полированной стали напротив проступило отражение. Уставшая женщина тридцати двух лет. Мокрые волосы

прилипли к вискам, тушь поплыла под левым глазом. Вера смотрела на себя без интереса, как смотрят на случайную попутчицу в метро, и двойник отвечал тем же. Она перевела взгляд на кнопки. Четвертый этаж. Едем.

Лифт дернулся и замер.

Толчок вышел несильный, но совершенно неожиданный. Вера пошатнулась, выставила руку и уперлась ладонью в холодную сталь. Ладонь легла на металл и ощутила исходящий из него холод — не обычный холод предмета в неотопливаемом помещении, а нечто более глубокое; сталь вытягивала тепло и пила его — жадно, бесшумно и методично.

Она выдохнула. Снова заело. Старый лифт. Сейчас поедет.

А потом свет в кабине погас.

Не мигнул — просто погас. Темнота наступила мгновенно, абсолютная и плотная — та самая «кромешная тьма», в которой нет ни лучика, ни отблеска, ни тени. Вера не видела даже собственной руки, поднесенной к лицу.

Вдруг в этой темноте отчетливо раздался звук, от которого кровь остановилась в жилах. Дыхание. Чужое дыхание здесь, в кабине, совсем рядом — влажное, неровное, такое же, как на лестничной площадке пару минут назад. Оно доносилось отовсюду сразу. А потом — движение. Что-то влажное и шуршащее скользило по стенам, потолку, полу, приближаясь медленно, но неумолимо.

Вера вжалась в стену. Сердце колотилось у горла. Она не могла ни пошевелиться, ни закричать. Только напряженно слушала, как в кромешной тьме замкнутого пространства что-то ползет к ней.

Студенистое и скользкое, это что-то коснулось ее щиколотки. Не рука — рука не могла быть такой гибкой. Больше похоже на щупальце или ожившую водоросль, которая нашла свою добычу. Прикосновение длилось долю секунды — вязкое и присасывающееся. Затем оно исчезло.

Свет снова вспыхнул — резко, ослепительно больно. Вера зажмурилась и тут же снова открыла глаза. В кабине никого. Только ее отражение в полированной стали и тишина. Но на полу — Вера посмотрела вниз и похолодела — остался влажный, извилистый след, похожий на след змеи. Он тянулся от зеркальной панели прямо к ее ногам и обрывался у носка сапога.

Она оттолкнулась от стены, шагнула вперед и повернулась к дверям. Взгляд невольно остановился на зеркальной панели.

Отражение оставалось неподвижным.

Ее двойник замер, прижимая ладонь к металлу, и смотрел прямо на нее. Его взгляд не копировал. Он оценивал, изучал — с тем особым, нечеловеческим терпением, какое присуще существам, не знающим торопливости. Зрачки — ее собственные зрачки на чужом, отделившемся лице — расширились, заполнив радужку; в их черноте колыхалась запредельная, нездешняя влага, которая отражала свет кабины и одновременно поглощала его. А за спиной двойника двигалось что-то огромное и бесформенное, заполняя все пространство зазеркалья. Не стена кабины, а что-то другое — живое и дышащее; от него тянуло холодом и вечностью, как от черной воды в дренажных трубах.

Вера машинально поднесла свободную руку к лицу — поправить прилипшую прядь. Двойник не шелохнулся. Стоял в той же позе, вцепившись в панель, и разглядывал ее — спокойно, почти ласково.

Внутри у Веры что-то оборвалось — древнее и глубоко укоренившееся в ее теле. Там, где еще не умели говорить, но уже понимали: отражение в воде должно повторять жест, иначе мир сойдет с ума.

И тогда зрачки двойника двинулись.

Вера почувствовала, как ее собственные глазные мышцы против воли сократились, повинаясь чужому движению. Тело отреагировало быстрее, чем разум успел осознать происходя-

щее. Она не могла отвести взгляд, даже моргнуть. Глаза жгло, будто в них плеснули ледяной водой. Вместе с холодом по зрительным нервам в мозг проникало чужое присутствие, заполнявшее ее изнутри клетку за клеткой.

А потом двойник заговорил. Без голоса — одними губами, но Вера прочитала каждое слово.

«Вода уже внутри тебя. Ты просто еще не знаешь. Она попала туда, когда ты в первый раз заглянула в лужу и увидела свое отражение. С тех пор она растет, ждет и позовет тебя, когда придет время. И ты придешь тоже. Обязательно придешь. Все приходят».

— Господи... — выдохнула Вера.

Дыхание сбилось. Воздух в лифте, еще секунду назад спертый и теплый, внезапно посвежел — от стальных панелей потянуло прохладой. Такой холод накрывает, когда понимаешь, что входная дверь распахнута, хотя ты точно запирала ее на ключ. В прихожей темно, но из этой тьмы веет чужим присутствием, и кто-то в ней затаил дыхание.

Запах сырой земли просочился сквозь стены, смешиваясь с металлическим привкусом на языке.

Отражение, против ее воли, медленно повернуло голову.

## Глава 3. Оцепенение

Движение вышло неестественно плавным — существо напротив разминало затекшую шею. Ее собственные черты на чужом лице исказились в выражении жуткого, слишком личного родства. Вера смотрела и не могла отвести взгляд: двойник двигался с грацией, какой у нее самой отродясь не водилось, — так двигаются глубоководные твари, не знавшие гравитации. Так плывут по реке утопленники, когда вода несет их тела, переворачивая в медленном ритме зловещей хореографии.

Губы двойника растянулись в легкую, почти нежную улыбку. У Веры вмиг заоченели пальцы ног, а ладони, все еще прижатые к стене, покрылись мурашками. Холод поднялся выше — к запястьям, к локтям, к плечам, — и она уже не могла пошевелиться: тело больше не подчинялось. Голос провалился в пустоту, глаза приклеились к отражению.

Двойник наклонил голову — плавно, изучающе, как хищник смотрит на добычу из темноты. Голодное, терпеливое любопытство существа, которое ждало очень долго и никуда не спешит, зная, что жертва никуда не денется.

А потом двойник улыбнулся шире — так широко, как ни один человек не может улыбнуться. Углы губ поползли вверх, к ушам, растягивая кожу до неестественных, анатомически невозможных пропорций. Кожа на щеках натянулась до полупрозрачности, и сквозь нее проступило что-то темное — не кровь, не мышцы, а черная вода, что сочилась из-под ногтей. Она текла под кожей двойника, и Вера видела ее движение — тягучее, пульсирующее, живое.

Что-то мокрое снова коснулось ее щиколотки. Вера не могла опустить глаза — взгляд приковало к лицу двойника, — но знала, что это та самая лужа, что натекла из-под ногтей. Лужа, ледяная, как из проруби в январе, росла, растекалась по полу кабины и теперь коснулась ее ног. Она ползла вверх, по голенищу сапога, впитываясь в ткань джинсов, двигалась целенаправленно, точно зная, куда ей нужно.

Двойник медленно, почти торжественно поднес руку к своему лицу. Под ногтями виднелась черная, влажная грязь, похожая на речной ил. На мгновение он ослабил хватку, и Вера смогла опустить взгляд. Перед ней растеклась маслянистая лужа, которая дрожала, создавая рябь. В ней отражался перевернутый потолок и лицо двойника, который смотрел на Веру снизу, улыбался и подмигивал.

— Этого не может быть, — прошептала Вера, голос неожиданно вернулся — слабый, хриплый, чужой.

Страх заполнял ее изнутри, как вода заполняет тонущий корабль. Холодная, плотная масса поднималась от живота к груди, к горлу, перекрывая дыхание.

Двойник прижал указательный палец к губам:

— Тсс...

Под ногтем блеснула полоска лака — того же оттенка, что Вера нанесла утром. Ноготь обломился — так же, как у нее: она сломала его, зацепившись за турку. Двойник копировал ее до мельчайших деталей. Или не копировал, а стал ею?

Обломанный ноготь, полоска лака, грязь под ногтями — не просто грязь, а черная вода, которую она видела в лужах, подвалах, в новостях о затопленных станциях метро. Все это казалось частью другого, перевернутого мира, где властвует вода. Если она течет из-под ногтей двойника, значит, он уже там побывал. Коснулся того, чего касаться нельзя, и принес это сюда — в лифт и в ее жизнь. Вода ползла вверх по джинсам, добираясь до колен.

А потом двойник начал меняться: черты исказились, потекли, и на мгновение Вера увидела под ними другое лицо — не свое, чужое. Очень старое, с провалами глазниц и ртом, полным черной воды. Кожа на этом лице напоминала кору, истыканную мелкими отверстиями, как у коралла, и в них что-то шевелилось. Это длилось долю секунды, но Вера успела запом-

нить. То, что стояло перед ней, — не отражение. Кто-то другой надел ее лицо, как маску, и оно сползло, обнажая бездонную пропасть, из которой на Веру смотрели сотни глаз.

Вера попыталась отступить, но ноги не слушались. Вода уже добралась до бедер, и кожа начала неметь в местах, которых она касалась. Холод поднимался, как ртуть в градуснике. Мышцы медленно замерзали, превращаясь в лед. Еще минута — и она не удержится на ногах, еще две — и не сможет дышать.

— Ты знаешь, где она, да? — спросила Вера, и в носу защипало от подступающих слез. — Ты знаешь, что случилось с моей сестрой...

Двойник смотрел на нее с жалостью — нечеловеческой, древней, как сама вода.

— Отвечай же!..

Тот медленно, не отнимая пальца от губ, перевел взгляд вниз — на лужу. В тот момент, когда вода коснулась живота, Вера услышала тихий, вкрадчивый голос. В нем смешались десятки других — мужских, женских, детских, но Вера понимала каждое слово.

— Она здесь. Ждет. Просила передать, что любит тебя. И что ты не должна приходить. Но ты ведь придешь, правда? Ведь ты уже наша, и твое место среди нас. Ну же, давай, шагни через стекло и присоединяйся — мы твоя семья.

Вера смотрела в зеркало. Достаточно лишь согласиться, перестать сопротивляться, разжать пальцы и отпустить саму себя — тогда все закончится.

Внутри, под страхом и оцепенением, возникла мысль — стыдная, предательская, но удивительно спокойная: «А может, действительно сделать шаг? Там Майя. Там все. А здесь — только дождь, холодные батареи и тридцать два года одиночества». Вера понимала, что это не ее мысль, она пришла извне, но звучала до ужаса логично и разумно — настолько, что на мгновение пальцы сами разжались.

Вода уже здесь, проникла в нее; тепло уходило из тела, вытесняемое холодом, и это становилось почти приятно.

Так замерзают насмерть — сначала боль, потом онемение и наконец покой. Совсем как некрасовская Дарья из поэмы «Мороз, Красный нос», которую Вера помнила еще по школьной программе. Люди, замерзавшие в снегу, перед смертью ощущали тепло и умиротворение. Может, и здесь так же: смерть — это просто теплая вода, накрывающая с головой.

А потом двойник сделал то, чего Вера не ожидала. Прижал ладонь к разделявшей их зеркальной панели, и под его пальцами снаружи металла побежали трещины. Воздух задрожал, пошел рябью, и в этой ряби проступили очертания — не лица, а места. Перевернутые дома, улицы, уходящие вглубь, фигурка в красной куртке на крыше.

Майя. Она стояла там, внутри зазеркалья, и махала рукой. На ее бледном, почти белом лице светились пустые глаза без зрачков, как у всех, кого забрала вода. Сестра улыбалась неестественной кукольной улыбкой, но губы шевелились, и Вера прочитала по ним:

«Уходи. Пожалуйста, уходи. Ты еще можешь спастись. Я — нет».

Вокруг Майи стояли другие — десятки, сотни фигур, неподвижных и безликих. Все они смотрели на Веру и чего-то ждали. Одни одеты в современную одежду: пальто, куртки, деловые костюмы. Другие — в старинные сарафаны, кафтаны, шинели. Люди из разных эпох, но всех объединяла вода — они стали ее частью.

А потом один из них — не Майя, кто-то другой, высокий, в темном плаще, струящемся, как водопад, — поднял руку и прижал палец к губам:

— Тсс!

В этом жесте сквозила древняя, нечеловеческая власть. У Веры подкосились ноги. Это — он, первородный и непостижимый. Тот, кто ждет и живет в реке. Владыка воды и ее неотъемлемой части — дождя.

Вера ощутила его взгляд физически — ударил в грудь ледяной водой. В провалах его глазниц колыхалась живая, голодная и всепоглощающая тьма. В ней Вера увидела себя — не такую, как сейчас, а другую — ту, что согласилась войти и присоединиться.

Она, ненастоящая, стояла в толпе людей без зрачков и смотрела на себя реальную пустыми белесыми глазами. Улыбка медленно расплзлась по ее лицу, и, слегка помахав пальцами, не-Вера беззвучно прошептала:

— Иди... Не бойся...

В этот момент лифт дернулся и пополз вверх.

## Глава 4. Не ищи меня

Наваждение схлынуло. Отражение качнулось вместе с кабиной и вдруг сделалось обычным: рука поправила волосы вокруг усталого лица, тушь размазалась под левым глазом. Вера стояла, вцепившись в ручку сумки; мышцы свело судорогой. Но лужа на полу осталась, и трещины на зеркальной панели — тонкие, как паутина на старом стекле, — не исчезли; сквозь них сочился холод. Из зазеркалья доносился тихий, ритмичный стук. Три коротких, два длинных, три коротких. SOS.

Запах сырой земли и речной воды усилился, стал гуще и заполнил собой всю кабину. Так пахнет в подвалах старых домов, где годами стоит вода, на дне пересохших колодцев. Так, наверное, пахнет смерть.

Двери разъехались. Четвертый этаж. Грязно-желтый свет площадки хлынул в кабину — теплый, живой, пахнущий пылью и старыми обоями.

— Показалось, просто показалось. Нужно высыпаться...

Она вышла из лифта на негнущихся ногах — так ступают на твердую землю после долгой качки. В голове звенело — тонко, высоко, на одной ноте. И в этом звоне ей слышались те же слова, что шептала вода: «Ты уже наша. Твое место среди нас...»

Вера зажала уши ладонями, но звон не утихал, а шел откуда-то изнутри.

Она прижалась лбом к холодной стене, пытаясь унять дрожь. Внезапно подумала, что не помнит, как вышла из лифта. Совсем. Будто кто-то выключил ее на несколько секунд, а потом включил снова — уже здесь, на четвертом этаже, с ключами в руке. Точно провал во времени, чистый, гладкий, без следов сновидений. Так случается, когда засыпаешь на ногах, но она не спала и совершенно ясно помнила каждую секунду до этого: двери, свет, запах, а потом — пустота.

Ключи выпали из непослушных пальцев. Она опустилась на корточки, шаря ладонью по холодной плитке. Под дверью квартиры напротив — той самой, где жила старуха, умершая месяц назад, — натекла лужа. Темная вода сочилась из-под двери, медленно растекаясь по площадке. Черная и маслянистая, лужа пахла тиной, точь-в-точь как в лифте.

Вдруг вода дернулась сама по себе, будто под ней что-то проползло. Из-под двери высунулся палец — разбухший, белый, с облезлым ногтем. Он пошевелился, поскреб линолеум и начал выстукивать ритм. Три коротких, два длинных, три коротких. SOS.

Затем второй палец. Третий. Четвертый. Вся рука — распухшая, белая, со сломанными ногтями — высунулась на площадку. Из квартиры покойной старухи донесся тихий, булькающий голос, словно говоривший захлебывался водой.

— Вера-а... Вера-а... Открой две-е-ерь... Мне о-очень хо-олодно...

Вера сглотнула. Рука на полу шевельнулась, пальцы заскользили по полу, как паук перебирает лапками. Она резко вскочила, подхватила ключи, отперла замок и влетела в квартиру. Захлопнула дверь, дважды повернула замок, накинула цепочку. Прижалась к двери спиной, тяжело дыша.

Из-под двери снова потекла черная вода. Тонкая струйка пробралась в щель и медленно поползла по линолеуму прихожей, направляясь к Вере. Казалось, вода знала, где она стоит.

Вера отпрянула. Вода замерла, словно в раздумье, а затем потекла обратно — под дверь, наружу. Как будто передумала или ее позвали обратно.

— Да уж, — выдохнула Вера с облегчением, — такие официальные власти точно не будут комментировать, а меня сочтут за дуру...

И только после этого она заставила себя повернуться к зеркалу в прихожей.

Зеркало висело здесь с незапамятных времен — массивная деревянная рама, облупившаяся по углам, осталась от прежних жильцов. Мама советовала выбросить этот хлам: «Зачем

тебе чужое зеркало? Мало ли что оно видело». Вера не выбрасывала — руки не доходили, да и нравилась ей эта потемневшая от времени вещица, пахнувшая старым лаком и чем-то еще, напоминающим о бабушкиной квартире. О запахе пирожков с капустой, воскресных чаепитиях, когда вся семья еще собиралась за одним столом, мама смеялась, запрокинув голову, и все казалось осмысленным.

В зеркале отражалась почти вся прихожая. На крючках висели куртки: ее серая плащевка и старая джинсовая. В углу стояла обувная полка с разномастными сапогами и туфлями, рядом прислонился старый, сломанный в двух местах зонт, скрепленный изолентой. Все выглядело так, как и должно, — точно, выверенно, узнаваемо: каждая царапина, пылинка, изгиб проводов, свисающих с полки.

Кроме одного — ее самой.

И еще кое-чего.

В углу отражения виднелась фигура. Маленькая, сгорбленная, в знакомой красной куртке. Она стояла спиной, но Вера узнала бы эту спину из тысячи. Майя. Сестра стояла неподвижно, опустив голову, и с ее волос капала вода. Капли падали на пол — там, в отражении — и разбивались, оставляя мокрые следы.

— Боже...

Вера сделала шаг вперед. Затем еще один. Встала почти вплотную к стеклу — дыхание затуманило его поверхность. Майя не двигалась. Но когда Вера прижала ладонь к поверхности зеркала, сестра медленно начала оборачиваться. Голова поворачивалась рывками, неестественно, как у сломанной куклы. Сначала показался профиль — бледный, заострившийся, с посиневшими губами. Затем скула, ввалившаяся и с проступающей костью. Наконец, глаз — пустой, без зрачка, только белесая муть, в которой что-то лениво двигалось, как червь в иле.

Вера смотрела в этот глаз не моргая. А потом он моргнул. Не веко опустилось, а белесая муть в глазнице дернулась, сжалась в точку и снова расширилась. Майя моргнула всем глазным яблоком сразу. В этом моргании сквозило что-то осмысленное, похожее на сигнал, азбуку Морзе: три коротких, два длинных, три коротких — SOS.

Вера отшатнулась. Отражение исчезло. В зеркале снова маячила только пустая прихожая, куртки на крючках, царапина от велосипеда на стене. Но на стекле, с той стороны, остался отпечаток. Маленькая ладонь, пять тонких пальцев и надпись, выведенная дрожащей рукой — не водой, а чем-то темным, илистым:

«Это он был на лестнице. Не ищи меня. Опасно».

Вера попятилась, пока спина не уперлась в холодную стену. Ноги подкосились, и она сползла вниз, села прямо на жесткий линолеум, обхватила колени руками и замерла, глядя в зеркало. От щели под дверью по ногам потянуло ледяным сквозняком, чьим-то присутствием. Казалось, кто-то стоял снаружи, прижавшись к двери, слушал ее дыхание. Ждал.

Зеркало дышало. Стекло выгибалось внутрь и наружу — чуть заметно, на долю миллиметра, но ритмично, в такт ее дыханию.

Тишина давила на голову, неся в себе что-то неизбежное и окончательное — приговор, которого она ждала с того момента, как Майя перестала отвечать на звонки.

За окном продолжал хлестать дождь, и в его ритме прорезался осмысленный порядок. Не хаос капель, а последовательность — рисунок, почти мелодия. Дождь выстукивал по стеклу одно и то же, снова и снова, терпеливо и настойчиво, точно вбивая послание. Среди этого ритма прорезалось слово — оно вертелось на границе восприятия, как имя, которое никак не можешь вспомнить. Ее имя. Дождь повторял его снова и снова. Уже двадцать три дня.

А следом — второе имя. Майя. Дождь повторял его, вплетая в ритм капель, как вплетают голос в музыку. Майя. Майя. Майя. И третье имя — она не сразу его различила. Илья. Ее бывший муж. Дождь звал и его — вода знала их и ждала всех.

Она не подошла к окну, чтобы понять, что скрывалось за этим ритмом. Просто закрыла глаза и стала ждать. Ждать, когда пройдет внутренний холод, который зародился в лифте и теперь заполнял ее всю изнутри.

Хотя уже знала наперед, что не пройдет. Холод пришел, чтобы остаться, занять все пространство, которое еще вчера принадлежало ей, и теперь будет обживать его — медленно, основательно, навсегда. Вера чувствовала, как он прорастает внутри — не как болезнь, а как второе сердце. Холодное сердце, бьющееся в такт дождю, в ритм шагов того, кто стоял сейчас за дверью.

А на самой границе слышимости, за шумом воды, зарождался звук — тихий, почти неразличимый. На другом конце города, в мокрой витрине, зеркальной луже или запотевшем оконном стекле, кто-то загадочно улыбался и прижимал палец к губам.

Москва, утопающая в дожде, шептала одно и то же по мокрым улицам, темным подъездам и пустым квартирам с зеркалами, в которых люди больше не отражались:

— Тсс...

## Глава 5. Уязвимость

Вера не знала, сколько прошло времени — минут десять или целая вечность, — прежде чем в кармане завибрировал телефон.

Даже не сразу поняла, что это за звук. Просто механическая дрожь, отдающаяся в бедро, — чужая, инородная, пришедшая из мира, который только что перестал существовать. Потом дошло. Достала. На экране высветилось: «Илья Штормов». Бывший. Полгода тишины — с того самого дня, когда он собрал вещи и ушел, не выдержав ее горя, бесконечных вопросов без ответов, ночных бдений над картой города с отмеченными точками, где в последний раз видели Майю.

Она ответила без слов. Просто поднесла трубку к уху и стала слушать. В динамике дышали — часто, неровно, затравленно. А затем прорезался голос, уставший, с той особой хрипотцой, которая проступала у Ильи после бессонной ночи. Эта хрипотца отзывалась в ней тысячей утренних пробуждений, ночными разговорами на кухне, когда он возвращался с особо тяжелых дежурств и не мог уснуть. Но сильнее всего — последним скандалом, после которого ушел, громко хлопнув дверью, — так, что она едва не слетела с петель. С полки в прихожей тогда упала ее любимая чашка с голубым цветком и разбилась вдребезги. Осколки покоились в коробке на антресолях, завернутые в газету, — еще одна вещь, которую она не могла ни выбросить, ни починить.

— Вера, слушай. Это звучит безумно, но...

Пауза. По звуку она восстанавливала каждое его движение и в эту минуту Илья наверняка тер переносицу. Привычка, въевшаяся за годы работы следователем, — проявлялась всякий раз, прежде чем сообщить родственникам то, что те боялись услышать.

— Ты сегодня не смотрелась в лужи? В витрины? Во что-нибудь мокрое, стеклянное или зеркальное?

В горле у Веры стоял ком размером с кулак. Она молчала, прижимая трубку к уху. Сердце тяжелыми неровными толчками колотилось везде одновременно — в горле, в висках, в кончиках пальцев.

— Вера?

— В лифте, — ее голос прозвучал сухо, механически, словно записанный на пленку и воспроизведенный с чужой скоростью. — В лифте. Там сталь. Полированная. Оно... она...

Договорить не смогла. Слова застряли на полпути между мозгом и языком, и вместо них вырвался только судорожный выдох — рваный и влажный, почти всхлип.

В трубке повисла долгая пауза — такая глубокая, что Вера слышала, как на заднем плане у Ильи бормочет телевизор. Передача про погоду. «Аномальные осадки, — вещал диктор с совершенно неуместной бодростью. — По прогнозам синоптиков, дождь продлится до конца недели, однако наши эксперты полагают, что циклон может задержаться...»

Илья выдохнул — так выдыхают, когда подтверждается самое страшное из опасений.

— Никуда не выходи. Не подходи к окнам. Не смотри в зеркала. Я еду.

— Что происходит? — вытолкнула Вера из себя, и голос наконец обрел силу, прорвавшись сквозь спазм. — Я вижу такое, что... поверить невозможно.

— Я не знаю, как это объяснить. Но это забирает людей. Оставляет только... — Илья осекся на полуслове, и Вера слышала, как он сглатывает. — Только отражения. Только то, что в воде. В любой мокрой поверхности или в стекле. И ты не первая, кто видит себя другой в этих отражениях. Просто сиди и жди, никуда не выходи и никому не открывай. Я скоро.

Он отключился, не попрощавшись.

Вера осталась сидеть на полу. Рука с телефоном опустилась на колени. Экран погас. В пустом и темном зеркале отражалась прихожая — то ли вход в несуществующую комнату, то ли выход из той, в которой Вера оказалась заперта.

Ей вдруг вспомнился тот самый апрельский вечер — солнечный, теплый, с запахом тополиных почек из открытого окна. Майя приехала без звонка, с бутылкой белого вина и дурацкой историей про соседа, который завел попугая, орущего по утрам матом. Они сидели на кухне, и Майя, раскрасневшаяся от вина, говорила: «Знаешь, Вер, мне иногда кажется, что мы живем не свою жизнь. Как будто кто-то другой должен все это прожить, а мы так, дублеры. Клево, да?».

Вера тогда засмеялась — легко, беззаботно. Лопасты вентилятора под потолком лениво месили густой от тополиного пуха воздух, и тени скользили по лицу Майи, дробя его на свет и тьму.

Эта встреча — последний раз, когда они говорили. Через три дня погода сломалась, и Майя исчезла — ушла из дома под дождем и не вернулась.

Теперь эти слова Майи звучали иначе. Совсем иначе.

Вера закрыла глаза. По стеклу монотонно барабанил дождь — рассказывал свою историю, выстукивая настойчивый, осмысленный, почти расшифрованный ритм.

На другом конце города Илья Штормов сел в машину, включил дворники на полную и поехал сквозь стену дождя. Он спешил спасти женщину, которую не сумел спасти полгода назад. Или чтобы увидеть, что от нее осталось.

Вера открыла глаза — ничего не изменилось. В зеркале напротив по-прежнему никого. Только пустая прихожая, куртки на крючках, царапина от велосипеда на стене. Дождь по-прежнему заполнял мир монотонным шорохом, а зеркало упрямо хранило свою тайну: ни намек на движение, ни отблеска чужого присутствия.

Минуты тянулись, растягиваясь в вязкую массу, где прошлое и настоящее сливались в одно тревожное целое. Вера вдруг поняла, что прислушивается не столько к звукам снаружи, сколько к тому, что происходит внутри нее: к глухому стуку сердца, к холоду, пробирающему до костей, к призрачному эху собственных воспоминаний. В батарее что-то щелкнуло — сухо, отрывисто, — и этот треск на секунду вернул ей ощущение собственного тела.

Илья приехал через сорок минут — бесконечных три четверти часа, спрессованных из холода и ожидания. Она продрогла до костей, сидя на линолеуме, не решаясь дотянуться до куртки. Несколько раз проваливалась в странное оцепенение — не сон, не явь, а пограничную муть, где шум дождя расслаивался на голоса, а пустое зеркало начинало слабо поблескивать по краям. Вера не знала, происходит ли это на самом деле или только мерещится, но и проверять не хотела. Просто сидела, обхватив колени, и считала секунды по каплям, разбивающимся о карниз.

Звук мотора старой «Шкоды» узнала раньше, чем он заглох. Машина издавала характерный звук глушителя — низкое, густое урчание, которое ни с чем не спутаешь.

Вера услышала, как автомобиль остановился во дворе, прямо под окнами, и представила его парковку до мельчайших деталей: резко, под углом, почти заезжая на бордюр. Илья всегда так ставил машину, и она всегда делала ему замечания, а он отмахивался: «Я следователь, а не водитель катафалка».

Илья поднимался по лестнице пешком. Не на лифте — пешком, через ступеньку, и Вера слышала каждый его шаг. Четвертый этаж — невысоко, но на площадке между вторым и третьим он остановился. Перевести дыхание? Или заметил что-то?

Тишина на лестничной клетке давила на барабанные перепонки. Вера задерживала дыхание, вслушиваясь, и отсчитывала частые и неровные удары сердца.

Потом шаги возобновились, и почти следом — три коротких звонка. Их старый условный сигнал. Надо же, помнил!

Вера заставила себя подняться. Ноги затекли, пришлось опереться о косяк, чтобы не рухнуть. Колени дрожали — то ли от холода, то ли от напряжения, скрутившего мышцы в тугие жгуты. Заглянула в глазок.

Илья стоял на площадке — высокий, широкоплечий, но сейчас его фигура казалась какой-то ссутулившейся, потерявшей прежнюю стать. Темные волосы с проседью на висках прилипли ко лбу, капли дождя стекали по лицу. Глаза — серые, когда-то пронзительно-серые, — теперь потускнели, в них томилаась усталость. Черты лица заострились: скулы выдавались резче, чем раньше, а щеки впали, подчеркивая тени под глазами. В мокром плаще он выглядел изможденным и продрогшим. Год назад Вера этих теней у него не замечала — в последние месяцы брака она вообще мало что замечала вокруг себя.

Непослушной рукой открыла замок, сняла цепочку, потом еще один замок. Пальцы скользили по металлу, срывались. С третьей попытки цепочка поддалась, звякнула, и дверь наконец открылась.

Он вошел — не просто худой, а будто утративший былую мощь, но все еще сохраняющий намек на прежнюю стать. С запахом дождя, табака и чего-то неуловимого, горьковатого. Вера невольно вдохнула этот аромат, узнавая его как старую, полузабытую мелодию. Сначала молча оглядел ее — с головы до ног. Проверял, наверное, или искал что-то. Не нашел — или нашел, но промолчал. Потом шагнул в прихожую, снял мокрый плащ, повесил его на крючок — машинально, по старой памяти, на тот самый, который когда-то считался «его». Плащ тут же начал капать, и по линолеуму растеклась лужица.

— Зеркало на том же месте? — спросил он.

Вера молча кивнула в сторону прихожей. Илья подошел к старому зеркалу в деревянной раме, встал напротив. Его отражение появилось сразу — взлохмаченное, мокрое, с тенями под глазами. Он поднял руку, и отражение повторило движение. Опустил руку — отражение сделало то же самое.

Илья выдохнул с облегчением. Его кадык дернулся, а руки, некогда сильные и уверенные, теперь слегка дрожали — то ли от холода, то ли от напряжения. Вглядываясь в зеркало, он явно ожидал чего-то неприятного, чего боялся увидеть.

Потом посмотрел на Веру:

— У тебя чисто, — и добавил вполголоса:

— Пока.

## Глава 6. Стеклянная Майя

На кухне все дышало старой знакомостью: продавленный табурет, на который Илья сел не глядя, щербатая турка на плите, банка с растворимым кофе — Вера не открывала ее полгода, но и не выбросила.

Илья машинально, по-хозяйски, потянулся к чайнику, но тут же одернул руку. Она сделала вид, что не заметила. Сама включила чайник, чтобы занять руки, не смотреть на бывшего мужа и не задавать вопросов — ответы уже сами вызревали внутри ледяной крошкой. Тишина между ними стала почти невыносимой. Каждый шорох или скрип половиц вызывал напряжение.

— Вот, — Илья достал из внутреннего кармана планшет и положил на стол.

Вера заметила грязь по краям защитной пленки на темном экране. Тихонько вздохнула — бывший муж никогда не отличался аккуратностью.

— Двадцать три человека, — произнес он без предисловий, глядя не на нее, а на планшет. — За последний месяц. Может, больше. Это только те, кого кто-то искал. Те, кто числится пропавшими. А есть еще те, кого никто не ищет. Бомжи. Нелегалы. Люди без родственников. Они исчезают тихо, и никто не подает заявлений.

— При чем здесь отражения? — спросила Вера, хотя уже знала ответ.

— Я собирал показания. Родственники, соседи, коллеги. Знаешь, что их объединяет? — Он поднял на нее воспаленные глаза. — Все пропавшие в последние дни перед исчезновением странно себя вели. Отводили взгляд от зеркал. От окон. От любых отражающих поверхностей. Одна женщина заклеила все зеркала в квартире фольгой — кухонной, пищевой, представляешь? Муж перестал бриться, потому что не мог смотреть на себя в ванной. Говорил, что отражение за ним наблюдает, следит, поджидает удобного момента.

— Может, это психоз. Массовый.

— Ага, может, — почесал он переносицу резко, тремя пальцами. — Я сам так думал первые две недели. А потом поднял записи с камер. Смотри.

На экране планшета загрузился видеофайл — ночная улица, камера над входом в продуктовый магазин. Мокрый асфальт, редкие прохожие, свет фонарей, разбитый лужами на тысячи осколков. Вера смотрела на экран, и внутри что-то сжималось в тугий холодный узел.

По улице шел человек — мужчина в темной куртке, с капюшоном, низко надвинутым на лицо. Подошел к большой луже на асфальте и остановился. Стоял долго — секунд тридцать, не меньше. Просто смотрел в воду. Его спина под курткой застыла в неестественном напряжении, и по чуть заметному наклону плеч Вера поняла, что он внимательно всматривается в глубину, ищет кого-то или, может, ждет.

Незнакомец наклонился и протянул руку к воде. Из лужи, из отражения, к нему потянулась другая рука. Чужая. Или своя, но живущая по своим законам. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и человек исчез. Просто погас, как пиксель на битом мониторе. На асфальте осталась лежать одежда — куртка, джинсы, ботинки. Пустая оболочка, сброшенная кожа. Вода в луже забурлила, но почти сразу успокоилась. Дождь, равнодушный и монотонный, продолжал идти.

Вера сжала губы и глубоко вздохнула, пытаясь унять волнение.

— Их двадцать три, — повторил Илья. — Кто-то у витрин. Кто-то у луж. Один — в метро, на «Маяковской», у колонны из нержавеющей стали. Просто прислонился к ней спиной и... исчез. Отрабатывал все версии. Ни одна не сошлась. Думал сначала — секта или новый наркотик, или, как ты говоришь, массовый психоз.

— Или что? — почти шепотом спросила Вера.

Он поднял на нее глаза. Илья Штормов, следователь с двадцатилетним стажем, всегда находивший ответы, сейчас чувствовал себя загнанным в тупик. И это пугало сильнее любой мистики, больше, чем запись на планшете. Потому что если не знал он — значит, не знал никто.

— Или это то же самое, что случилось с Майей.

Чайник закипел и отключился с глухим щелчком. Вера не пошевелилась. Имя сестры, произнесенное вслух, ударило ее сильнее, чем она ожидала. За полгода она так и не привыкла к тому, что Майя — «пропавшая», «исчезнувшая», «потерянная». Эти слова не подходили к ней, всегда живой, слишком громкой, яркой и всеобъемлющей — даже теперь, в той пустоте, которую она оставила после себя.

— Майя пропала полгода назад. Это не две недели и не месяц, Илья. И при чем здесь...

— Да, знаю, — кивнул он, достал из кармана мятую пачку сигарет и повертел в пальцах, не закуривая. — Она пропала в дождь. Я пересмотрел все ее дела. Поднял свидетельские показания. Последняя, кто видел Майю, — продавщица в булочной на «Бабушкинской» — рассказала странную вещь. Она сказала, что Майя стояла у витрины и, не отрываясь, смотрела внутрь. Только не на хлеб. Она смотрела в стекло, в его глубину, будто там кто-то находился и этот кто-то тоже смотрел на нее.

Вера вздрогнула от холода, пробежавшего по спине. Тот самый, из лифта, осевший внутри навсегда, бился в такт сердцу, растекаясь по позвоночнику, отчего немели кончики пальцев.

— Ты мне этого не рассказывал, — в ее голосе прозвучал легкий упрек.

— Нет, не рассказывал. Потому что это звучало как бред. А следователь, который верит в бред, долго не работает. Я уговаривал себя, что продавщица напридумывала, что показания — мусор. Но теперь это бред двадцати трех человек. Двадцати четырех, если считать тебя. Ты ведь сказала, что тоже видела что-то.

Они замолчали. За окном тускло светился мокрый асфальт. Илья смотрел в стол, вертя в пальцах незажженную сигарету. Вера смотрела в окно, где капли ползли по стеклу, но все еще вниз, еще нормально, подчиняясь законам физики. За окном качнулась ветка, сбрасывая воду. Законы пока действовали. По крайней мере, здесь и сейчас.

— Почему ты мне позвонил? — спросила она наконец.

— Потому что сегодня днем позвонила твоя мать.

Вера резко обернулась. Сердце замерло, а затем бешено заколотилось.

— Что?

— Она сказала, что Майя приходила к ней. Прошлой ночью. Стояла под окном.

— У матери пятый этаж. Как она могла...

— Я в курсе. Но это слова твоей матери.

Вера опустила на табурет, стараясь унять сердцебиение.

Мать — в Медведково, в старой двушке с видом на пустырь. После исчезновения Майи она начала рассказывать странные вещи — сначала путанные, потом все более конкретные. Говорила, что Майя не умерла, что просто «ушла», но обязательно вернется, когда кончится дождь. Потом замкнулась, занавесила зеркала и перестала выходить из дома. Вера списывала это на горе, возраст и одиночество. На что угодно, кроме правды, которую боялась услышать и признать.

Илья виновато посмотрел на нее и негромко произнес:

— Она сказала, что Майя сейчас живет в стекле. Не за окном. Внутри стекла. Будто стекло — это комната, и Майя стучала изнутри. Мать слышала стук. Тихий, частый — костяшками пальцев. Она открыла шторы и увидела ее там. За прозрачной преградой. Живую. Майя смотрела прямо на нее.

Вера опустила глаза. На мгновение внешний мир — разбитый асфальт за окном, мятая пачка сигарет в его пальцах, мертвенный свет планшета — отступил, превратившись в размы-

тый фон. Она прислушалась к себе, к тому, что жило под ледяной коркой ужаса. Там, в глубине, где еще оставалось тепло, шевелилось другое чувство — острое, неостывшее. Илья. Даже сейчас, посреди этого кошмара, его присутствие волновало ее. Вытравить это из сердца за год одиночества ей так и не удалось.

Воздух на кухне, казалось, дрожал от его близости, и Вера с пугающей ясностью поняла, что если бы он сейчас прервал свой бесконечный монолог о мертвых и пропавших, если бы просто посмотрел на нее иначе и сделал хотя бы шаг навстречу — она бы не устояла. Бросилась бы в его объятия, уткнулась бы лицом в грудь, вдохнула бы родной запах и забыла обо всем — о зеркалах, дожде, живущей в стекле сестре. Сбежала бы в это тепло, как в последнее убежище. Но Илья не сделал шага. Он смотрел в пустоту, держа оборону, и его пальцы нервно мяли фильтр сигареты, разрушая ее последнюю надежду на простое человеческое утешение.

Вера закрыла лицо руками и сжала пальцами виски. Под диафрагмой шевельнулась острая ледяная грань.

— Хватит.

— Вера.

— Хватит, я сказала! — повысила она голос и выпрямилась, табурет с грохотом опрокинулся на пол.

Илья не шелохнулся. Сидел, смотрел на нее снизу вверх спокойно, терпеливо. В тот момент ей хотелось, чтобы он взорвался: закричал, ударил кулаком по столу. Чтобы показал, что тоже живой, что чувствует этот ужас, а не скрывает эмоции за профессиональной маской.

— Ты не веришь, — произнес он вместо всего этого ровно, констатируя факт. — Понимаю. Я бы сам себе не поверил. Но ты видела это в лифте. Я знаю, что видела, потому что слышал твой голос в трубке. Ты не умеешь притворяться. Никогда не умела.

## Глава 7. Не из-за нее

Вера промолчала. Этот холод она ощущала до сих пор — не снаружи, а внутри, где-то за грудной, где раньше, казалось, билось сердце. Ладонь все еще помнила прикосновение к ледяной стали лифта — то самое прикосновение, которое повторил двойник. Воспоминание о нем вьелось в кожу химическим ожогом.

Илья встал. Шагнул к ней и протянул руку, но не коснулся — просто положил ладонь на стол рядом с ее рукой. Их пальцы разделяло несколько сантиметров столешницы — расстояние, которое всегда пролегало между ними, даже когда они стояли вплотную.

Вдруг он сдвинул ладонь и накрыл ее пальцы — осторожно, неуверенно, точно спрашивая разрешения. Теплая, шершавая кожа. Вера забыла, какая она на ощупь, и то чувство защищенности, исходившее от его руки. В памяти вспыхнули обрывки прошлого: первая встреча в парке, где он так же нерешительно коснулся ее руки, и та долгая пауза перед первым поцелуем, будто ему предстояло преодолеть невидимую преграду.

Сердце замерло на долю секунды, а затем понеслось галопом — гулко, оглушительно, затрудняя дыхание. Еще минуту назад она бросилась бы в эти объятия не раздумывая, позволила бы себе сломаться, стать слабой — с ним, только с ним. Плечи опустились сами собой, дыхание сбилось. Вера почти забыла обо всем, что мучило ее последние полгода.

Но сейчас внутри что-то остановило ее — резкий, холодный импульс, пробивший слой эмоций. Не гордость и не обида. Трезвое, почти ледяное осознание, оформившееся на границе сознания. Илья здесь не из-за нее. Его привела не любовь и не тоска по ее теплу. Его привела Майя. Дело, которое не раскрыл. Двадцать три исчезнувших горожанина и профессиональный долг, не дающий ему покоя ни днем, ни ночью. Он держит ее за руку сейчас, но смотрит не на нее, а сквозь — в ту самую пустоту, где исчезают люди. В его глазах та же бездна, которую она видит каждое утро в зеркале: взгляд человека, загнанного в угол своей одержимостью.

Вера опустила голову и представила вдруг, как Илья сидит ночами над картами и фотографиями, соединяет линии и даты, ищет закономерности, пока мир вокруг рассыпается на части. Если она сейчас растает, позволит себе упасть в эти объятия, то потеряет себя. Станет не опорой, а обузой. Не сестрой, которую ждет Майя, а испуганной бывшей женой, цепляющейся за мужчину, уже однажды ушедшего и вряд ли готового вернуться.

Последняя ниточка надежды, которая держала ее все эти месяцы, оборвалась, и Вера медленно, почти незаметно высвободила пальцы. Не отстранилась — просто перестала отвечать на прикосновение, позволила своей руке стать безвольной, инертной в его ладони.

Илья понял и убрал руку.

— Я не смог найти Майю тогда и не смог простить себе этого. Думаешь, я не понимаю, почему мы расстались? Все понимаю. Я жил с тобой и не видел, что ты умираешь от горя, а сам копался в своих делах, искал логику там, где ее нет. Искал мотив, следы, свидетелей, а Майя просто растворилась, и ни одна моя схема не работала. Но сейчас происходит то, чего я не могу объяснить, и ты — единственная ниточка. Ты ее сестра. Может быть, она ищет тебя. Может быть, ты — единственная, кого она сможет услышать.

Вера подняла голову и посмотрела ему в глаза. В них стояли беспомощность, страх и что-то еще — надежда, которую он прятал все эти месяцы, не допуская даже мысли, что Майи больше нет, что все можно исправить и что они еще успеют. Илья пришел не как бывший муж, а как следователь, у которого появился единственный свидетель — она, Вера. Это осознание ранило ее сильнее, чем любое расставание.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал он. — Я останусь здесь. На диване.

— Не нужно.

— Нужно. Я не хочу с тобой спорить. Только не сейчас. Просто ложись, а я буду рядом.

Она не смогла возразить. Да и, честно говоря, не хотела. Остаться одной в этой квартире, где зеркала научились лгать, а отражения — жить собственной жизнью, стало вдруг невыносимо. Физически невозможно — все равно что дышать под водой.

— Я первая в душ, а ты, если хочешь, потом. Полотенца знаешь где.

Илья кивнул и ушел в гостиную. Вера слышала, как скрипнул диван, как он тяжело опустился — не лег, а сел, ссутулившись, уперев локти в колени. Думает, ищет зацепки, перебирает детали — рассыпанную мозаику, в которой не хватает главного, связующего элемента. Даже сквозь стены сочилось напряжение — тугое, звенящее, словно тетива арбалета перед спуском.

Она заперлась в ванной. Горячая вода хлынула по плечам, спине, затекшим ногам — почти кипятком, на пределе терпения. Вера долго стояла под струями, пытаюсь вымыть из себя холод, что засел глубоко в костях и впитался в легкие. Не вымылся, а отступил, спрятался до поры. Терла кожу мочалкой до красноты, легкого жжения, надеясь разогнать кровь и вернуть себе живое тепло. Вытерлась старым махровым полотенцем — тем самым, которое Илья забыл забрать, когда съезжал. Повесила его на плечи, намотала другое на голову — тюрбаном, как любила делать с детства, — и натянула ночную сорочку: ситцевую, в мелкий цветочек, почти детскую. От свежей ткани тянуло лавандой и утюгом — запахом уюта, совсем не вязавшимся с тем кошмаром, в который они оба погрузились.

Вера открыла дверь и вышла в коридор, оставляя за собой шлейф влажного тепла и лавандового аромата.

Илья сидел на диване — сгорбившись, глядя в одну точку на полу. Перед ним на журнальном столике лежали планшет и распечатки. Он машинально постукивал пальцем по краю дисплея, и этот монотонный, чуть нервный звук заполнял паузу.

При ее появлении Илья поднял голову, и на мгновение его взгляд задержался на ней дольше обычного. Он смотрел на нее — свежую после душа, с мокрыми прядями, выбившимися из-под полотенца, с покрасневшимися щеками, в этой дурацкой ситцевой сорочке, делавшей ее похожей на девчонку, — и в его глазах мелькнуло что-то теплое. Что-то из их первых лет, когда они еще не стали мужем и женой, а оставались просто Ильей и Верой — двумя людьми, жадно открывавшими друг друга заново каждый день. Что-то, казавшееся навсегда исчезнувшим, вытравленным горечью и упреками. Но нет — оно не исчезло. Притаилось, дремало, ожидая своего часа. Пыльный луч от торшера упал на его плечо, высветив потертую ткань рубашки.

— Теперь твоя очередь, — произнесла она, отводя взгляд первой. Выдержать этот пристальный взгляд дольше трех секунд оказалось невыносимо и для нее. В горле неприятно запершило.

Илья кивнул, поднялся и зашагал в ванную. Замок щелкнул, но не закрылся, и дверь приоткрылась. Из щели потянуло паром.

Вера прошла в спальню — медленно, почти бесшумно, боясь нарушить хрупкое равновесие этого вечера. Сняла полотенце с головы, стряхнула волосы и потянулась к расческе, но вдруг замерла.

Ее взгляд скользнул в сторону — к смежной двери, ведущей в ванную. Приоткрытая на ладонь створка позволяла видеть узкую полоску зеркала и часть душевой кабины. Желтоватый свет лампы освещал отражение, придавая сцене неестественную, почти театральную выразительность.

Илья стоял под струями спиной к двери. Свет обрисовывал каждую линию его тела — широкие плечи с рельефной мускулатурой; лопатки, чуть сдвинутые, потому что он опустил голову, подставляя затылок под горячие струи; узкую талию и бедра, на которых она помнила каждую родинку, даже чуть заметную отметину, когда-то изученную до мельчайших подробностей.

Вода стекала по его спине вниз, к пояснице, и дальше — туда, куда Вера не позволила себе заглядывать, но куда взгляд все равно соскользнул, опережая мысли и волю. Скользнул и обжегся, оставив на сетчатке яркий, почти болезненный отпечаток.

## Глава 8. Ночь без обязательств

Вера отдернула голову, как от огня. Щеки, и без того покрасневшие после душа, вспыхнули с новой силой; жар разлился по коже, контрастируя с внутренним холодом, который уже подступал к горлу.

Вера села на край кровати и замерла, глядя на свои босые ступни. Пол под ней казался одновременно твердым и ненадежным. Вдруг где-то в трубах воздух дрогнул, и раздался короткий глухой гул.

Образ уже впечатался в память: обнаженное тело, мокрые волосы, прилипшие к шее, капли воды на коже, вспыхивающие в свете лампы. Вместе с ним пришло желание — простое, телесное, — помноженное на древнюю, почти животную память плоти. Она хранила не слова, а ощущения: тепло, давление, ритм дыхания. Вера не собиралась ничего предпринимать — не в такую ночь, не после ледяного ужаса в лифте, когда мир на мгновение утратил опору, превратившись в падающую шахту. Но тело помнило каждое прикосновение, изгиб, молчание, полное невысказанного, и хотело — вопреки логике, страху и всему остальному.

Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь, легла под одеяло, плотно укуталась и приказала себе уснуть, будто слово «спать» могло разом переключить сознание на покой.

Шум воды стих, оставив после себя звенящую тишину. Хлопнула дверь ванной. Босые мягкие шаги прошли в гостиную. Скрипнул диван, принимая вес тела. В оконной раме тонко звенел комар — единственный звук в плотной тишине, навязчивый, как застрявшая мысль.

Вера лежала и смотрела в потолок. По нему пробегали тени от фар проезжающих машин — рваные полосы света мелькали обрывками чужих снов. Под сердцем снова зашевелился холод — тот самый, из лифта. Он никуда не ушел: затаился, свернулся кольцами у позвоночника и теперь, в беззвучии, опять поднимал голову.

Она свернулась калачиком и натянула одеяло до подбородка, пытаясь согреться, но холод проникал глубже, сковывая кости и выхолащивая кровь. Он подкрадывался исподтишка: сначала лег на ступни, затем поднялся к щиколоткам, пополз выше, к коленям, обвивая их ледяными жгутами. Теперь этот морок, казалось, поселился в ней навсегда, свил гнездо в животе, стянув его тугим узлом. Страх не исчез — он ждал удобного момента, чтобы напомнить о себе.

Она не заметила, как начала дрожать, — осознала только, когда зубы выбили мелкую дробь. Пальцы на ногах потеряли чувствительность, и на руках тоже онемели. Висок прижался к мокрой от испарины подушке. Вера замерзала заживо — в своей постели, в своей квартире, за бронированной дверью с тремя замками. Это пугало сильнее всего: не угроза извне, а собственное тело, утратившее способность согреваться.

— Илья, — позвала она негромко, но в ночной тишине голос прозвучал отчетливо.

Шаги. Дверь открылась почти сразу — видимо, Илья не спал, сидел в той же позе над бумагами. Остановился на пороге, в одних трусах. В тусклом свете из коридора Вера видела его плечи, грудь, темную дорожку волос, уходящую к поясу. Это тело она знала наизусть, но уже успела отвыкнуть за полгода одиночества. Родное, крепкое, живое тело человека, который, несмотря ни на что, оставался частью ее самой.

— Что?

— Мне холодно.

Он подошел без лишних слов. Опустился на край кровати — матрас прогнулся под его тяжестью, до боли знакомо — коснулся ладонью ее лба. Вера вздрогнула от прикосновения, но не отстранилась, а невольно подалась навстречу.

— Ты ледяная. Подвинься.

Илья лег рядом, откинув край одеяла. Его тело дышало жаром — тем печным, мужским теплом, знакомым по сотне совместных ночей. Он уверенно и мягко притянул ее к себе, и

Вера уткнулась лицом в его плечо. От кожи пахло мылом, табаком и тем самым, родным, что не выветрилось за время разлуки, — запахом, ввевшимся в нее на молекулярном уровне. Его широкая горячая ладонь легла на спину, слегка сминая тонкий ситец ночнушки. Тепло пробивалось сквозь ткань, и пальцы, медленно, осторожно скользя вдоль позвоночника, оставляли за собой теплые дорожки на остывшей коже.

Холод не отступил, но перестал существовать в одиночестве. Рядом с ним возник жар: слабый, робкий, но живой. Два антагониста сошлись воедино, и тепло медленно, шаг за шагом, отвоевывало территорию.

Вера подняла голову. В темноте его лицо выглядело моложе: исчезли морщины у глаз, разгладилась складка между бровей — та, что прорезалась за годы брака и углубилась за долгие месяцы разлуки. Илья смотрел на нее — просто смотрел, без чувства вины или мучительной смеси жалости и отстраненности, с которой ей так и не удалось примириться.

Их губы встретились раньше, чем Вера успела об этом подумать. Поцелуй — медленный, пробующий, вопрос, а не утверждение. Она ответила так, как отвечают на вопрос, который долго боялись задать.

Дальнейшее происходило без слов — на языке прикосновений, который они оба знали, хотя давно не использовали. Его ладонь скользнула вверх по ее спине, задержалась на затылке, запутавшись во влажных волосах. Другая легла на бедро, и сквозь тонкую ткань сорочки ее снова обожгло жаром, почти огненным после могильного холода, терзавшего еще минуту назад.

Вера выгнулась навстречу, прижалась теснее, и ее рука скользнула по его плечам, груди, животу — ниже, туда, где темная дорожка волос исчезала под резинкой белья. Его дыхание участилось, сердце забило сильнее под ее ладонью, и этот отклик придал ей уверенности.

Ткани становилось меньше. Сорочка соскользнула с плеч — он стянул ее бережно, почти благоговейно, приподняв Веру за плечи, высвобождая из ткани, ставшей вдруг лишней. Она осталась обнаженной, и только свет фонаря за окном рисовал на ее коже серебристые разводы, превращая тело в лунный пейзаж: впадины и возвышенности, мягкие холмы и тенистые ложбины. Илья на мгновение замер, глядя на нее так, словно видел впервые и не мог поверить своему открытию.

Он чуть отстранился, и Вера почувствовала, как последняя преграда ускользает из-под ее ладоней. Илья вернулся к ней, теперь уже без барьеров, и в тот же миг она ощутила всю силу его желания — горячее, живое и неотвратимое. Его тело накрыло ее — обжигающее, тяжелое, знакомое до последней черточки. В момент близости Вера закрыла глаза и отпустила все мысли: о Майе, об отражениях, подземных реках и пропавших людях. Весь мир схлопнулся до этой комнаты, кровати и мужчины, который обнимал ее, проникая все глубже и страстнее. Осталось только движение — древнее, как сам мир, и такое же простое. Ритм дождя за окном вплеся в их ритм, и все вокруг — дом, ночь, город — обратилось в завораживающую музыку без названия.

Вера чувствовала Илью каждой клеточкой: его тепло, силу, нежность и дрожь, когда сдерживал себя, позволяя ей освоиться, вспомнить и раскрыться. Он двигался в ней, как вода в реке, — то медленно и плавно, обволакивая и заполняя собой пустоту, то с нарастающей мощностью, подчиняясь глубинному течению; она отвечала тем же — встречала каждое движение и точно угадывала ритм, подчинялась ему и вела его за собой.

Их тела двигались быстрее, чем разум успевал возвести барьеры. Они, знавшие друг друга наизусть, заново открывали себя и находили дорогу домой. Два человека, разлученных бедой, стали единым целым — не назло судьбе, не ради будущего и не с оглядкой на завтра, а потому что сейчас, этой ночью, оба отчаянно желали этого. Как жаждут воздуха, воды, тепла — подтверждения того, что они еще живы.

А потом мир взорвался тишиной — глубокой, бархатной, наполненной лишь стуком двух сердец, постепенно замедлявших свой бег. Вера уткнулась носом в его плечо и чувствовала, как по телу разливается тепло — настоящее, человеческое, вытесняя остатки холода, уползшего куда-то на периферию. Его пальцы продолжали нежно скользить по ее спине, теперь уже не настойчиво, а успокаивающе, медленно рисовали круги между лопатками, даря ей чувство умиротворения. Одеяло сбилось к ногам, но холод больше не возвращался.

Вера лежала обессиленная и опустошенная, но эта опустошенность не имела ничего общего с высасывающей душу пустотой из лифта. Это чувство напоминало свежесть после грозы, когда воздух становится чистым и прозрачным, а на листьях еще блестят капли.

## Глава 9. Послание

Некоторое время лежали молча, в полутьме комнаты. За окном тени ветвей отбрасывали на стену дрожащие силуэты.

Первой заговорила Вера — тихо, не поднимая головы с его плеча:

— Ты ведь тоже ее чувствуешь? Сейчас. Здесь.

Илья замер — не телом, а дыханием. Выдохнул медленно, выталкивая из легких что-то тяжелое, давящее, месяцами копившееся глубоко внутри. В тишине отчетливо прозвучал отдаленный раскат грома, и дождь за окном усилился на несколько секунд, прежде чем снова утихнуть.

— С тех пор как пропала, — произнес он наконец, и в его голосе сквозила усталость пополам с обреченностью, — каждую ночь.

Его рука нашла ее ладонь, их пальцы переплелись — не страстно, а спокойно, по-дружески. Он сжимал ее ладонь крепче, чем следовало, точно боялся, что Вера исчезнет, растворится в этой темноте, как пропала та, о ком они не могли вспоминать без боли.

— Я думала, схожу с ума, — выдохнула Вера. — Что это только со мной. Что я одна вижу эти тени, слышу этот шепот.

— Нет, не только ты, — ответил Илья твердо, но мягко, глядя ей в глаза.

Они еще полежали в тишине, слушая размеренное дыхание друг друга и отдаленный шорох шин по мокрому асфальту. Ливень стих, изредка бросая тяжелые капли, которые монотонно стучали по подоконнику. Илья пошевелился, и Вера почувствовала, как напряглись мышцы его руки — он собирался с силами.

— Я пойду на диван, — произнес он, стараясь говорить ровно, но в тоне проскользнула нерешительность.

— Оставайся, — сказала Вера прежде, чем успела подумать.

В груди екнуло. Она переступила невидимую черту и добавила, спохватившись:

— Просто чтобы не замерзнуть. Больше ничего.

— Больше ничего, — эхом отозвался Илья и остался. Его рука снова легла ей на плечо — тяжелая, уверенная и успокаивающая.

Вера закрыла глаза. Его дыхание рядом, тепло ладони на ее плече — и от этого становилось еще больнее. Ведь они больше не муж и жена, уже давно не жили как супруги. Прикосновение, которое когда-то дарило уют, теперь напоминало о пропасти между ними. А завтра им предстояло распутывать клубок тайн, который становился все туже и затягивался вокруг их прошлого, не давая дышать. Но этой ночью, под шум затихающего дождя, они не нуждались друг в друге ни в чем, кроме тепла.

Она уснула первой — провалилась в сон, глубокий и темный, без сновидений, теней и отражений, преследовавших ее последние дни.

Но посреди ночи что-то выдернуло ее обратно — не звук, не свет, а безотчетный толчок, как случается, когда во сне теряешь опору и летишь в пустоту. Вера открыла глаза. Илья спал рядом, ровно и глубоко дыша. Его рука все еще лежала на ее плече. За окном опять моросило.

Она встала, стараясь не шуметь. Накинула плед — старый, клетчатый, купленный еще мамой на какой-то распродаже, пахнущий сундуком и лавандой. Подошла к окну.

Уличный фонарь качался на ветру, и тени голых ветвей металась по мокрому асфальту. Внизу кто-то ходил кругами. Лужа во дворе разрослась до размеров пруда. В ее зеркальной поверхности отражались дом, небо и фонарь — целый мир, перевернутый вверх тормашками.

В отражении отчетливо виднелась фигура человека, стоящего вверх ногами. Точнее, на границе воды и света застыла маленькая стройная фигурка в знакомой красной куртке, которую Майя носила осенью. Куртка выделялась ярко-красным пятном, почти вызывающим, с

нелепым значком-лисицей на воротнике. Вера узнала ее раньше, чем полностью осознала происходящее.

Майя стояла там, в перевернутом мире, и смотрела вверх на Веру. Лицо ее оставалось спокойным, но губы шевелились — она что-то беззвучно говорила. Вера знала каждую черточку этого лица, помнила манеру сестры чуть склонять голову набок, когда ей хотелось сообщить что-то важное.

Вера прижалась лбом к холодному стеклу. Кожа мгновенно покрылась мурашками, а сердце колотилось где-то в горле.

— Майя...

Стекло запотело от дыхания, и мутное пятно расплылось по гладкой поверхности. Внезапно снаружи, на нем, появились буквы. Кто-то невидимый медленно выводил их пальцем, аккуратно рисуя каждую линию ее имени:

«Вера».

Она отшатнулась. Сердце ударило так, что потемнело в глазах. Но тут же снова шагнула вперед, прижала ладони к холодному стеклу, готовая разбить его, распахнуть окно и позвать, закричать.

Вдруг с той стороны к ее ладоням прижались другие руки. Маленькие, с тонкими пальцами, их ледящий холод Вера ощутила даже через двойной стеклопакет и пластик рамы. Холод пронзил ее кожу тысячью ледяных игл, обжег и зазвенел в костях.

Лицо Майи оказалось близко — ближе, чем позволяла геометрия отражения в луже. Карие, чуть раскосые, как у отца, глаза сестры смотрели прямо на нее. Но что-то изменилось.

Зрачки. Вместо них только радужка — темная, глубокая, пустая, как колодец. И в этой пустоте что-то двигалось. Что-то живое — то, чему там не место.

Майя улыбнулась. Не зло и не страшно, но с облегчением. Так улыбаются люди, которые долго ждали этого момента: встреча наконец-то произошла, и теперь все должно наладиться.

Ее губы снова зашевелились. Вера читала по ним — с детства они с сестрой умели беззвучно переговариваться, даже среди шума класса или в людной кухне. Это их тайный язык, общая территория, куда не допускался никто чужой.

«Я здесь. Помоги. Они не отпускают».

— Кто? — прошептала Вера, не узнавая собственного голоса. — Кто не отпускает?

«Их много, и они ждут».

— Боже мой, Майя, милая моя! — проговорила Вера, с трудом сдерживая слезы. — Как мне тебе помочь? Что нужно сделать? Скажи, но, умоляю, не исчезай так больше...

Майя медленно, напряженно подняла руку — дождь или стекло, а может, сама ткань реальности давили на нее. Лицо исказилось от напряжения, и она с трудом поднесла указательный палец к губам:

«Тсс!»

Вера ударила ладонями по стеклу. Бесполезно. Майя уже отступала, растворяясь в глубине отражения. Еще секунда — и лужа во дворе снова стала обычной лужей. Фонарь качался на ветру. Шел дождь. Вокруг — только мокрый асфальт, дрожащие тени и бесконечная морось, затянувшая небо серой пеленой.

— Вернись, — сказала Вера в холодное стекло, и голос сорвался на шепот. — Пожалуйста, вернись. Я здесь. Я тебя видела. Ты не можешь просто так уйти. Майя, вернись!..

Сзади скрипнула дверь. Вошел Илья — взлохмаченный, сонный, босиком. Должно быть, она говорила вслух громче, чем казалось. Или он не спал. Или проснулся от ее интонации, которую помнил с той минуты, как исчезла Майя.

— Что случилось? Ты чего кричишь?

Вера не обернулась. Стояла, вцепившись пальцами в подоконник, и смотрела вниз. Илья подошел, встал рядом. Посмотрел туда же — на лужу, фонарь, мокрый асфальт.

— Ты ее видела? — спросил он глухо, без тени сомнения.

— Да.

— Она что-то сказала?

Вера опустила руки. На стекле с той стороны остались два отпечатка — не ее, меньше, тоньше. Отпечатки детских ладоней. С той стороны, где шел дождь. Капли уже напозали на них, размывали контуры, но Вера успела запомнить каждую деталь.

Эти ладони она знала наизусть. Много раз держала их в своих руках: когда Майе исполнилось пять и они переходили дорогу, когда Майе исполнилось двенадцать и она обожгла руку о сковородку, когда Майе исполнилось двадцать и она с радостью показывала подаренное кольцо, дешевое и смешное, но радовалась так, что светилась вся.

— Сказала: «Они не отпускают». И прижала палец к губам. Наверное, хотела предупредить, но не успела.

Илья молчал. Потом взял ее за плечи — осторожно, как берут хрупкую вещь, которую боятся разбить. Его пальцы легли мягко, но в них чувствовалось напряжение.

— Тогда мы найдем, кто «они». И заставим отпустить.

— А если это невозможно? Если их нельзя заставить?

— Мы с тобой уже делали невозможное, — сказал Илья, и в углу его губ мелькнула слабая, кривая улыбка. — Пять лет в браке — испытание, надо сказать, не для каждого.

Вера не засмеялась, даже не улыбнулась. Шутка не вызвала у нее ожидаемой реакции, но что-то внутри чуть отпустило — на волосок. Ровно настолько, чтобы снова начать дышать ровно.

Они еще долго стояли у окна, плечом к плечу, не разнимая рук. Дождь за окном тихо перебирал невидимые клавиши, наигрывая однотонную мелодию без начала и конца.

## Глава 10. Точка невозврата

Илья задремал лишь под утро — сидя над распечатками, с незажженной сигаретой в пальцах. Бумаги расплзлись по столу, испещренные его пометками на полях, вопросами, стрелками, связывающими обрывки фактов. Разбудил его звонок из архива.

Он снял трубку, говорил недолго — Вера не слышала разговора, только глухой, сосредоточенный голос за стеной. Потом хлопнула дверца шкафчика, звякнула турка о конфорку, и через минуту потянуло знакомым запахом: растворимый кофе и сигаретный дым — едкий, домашний, почти забытый.

Утром дождь не прекратился, но переродился — измельчал, сгустился, превратился в водяную взвесь, которая не столько падала с неба, сколько висела в воздухе невесомой моросью, оседая на одежде, на лицах, на автомобильных стеклах тончайшей пеленой влаги. Москва захлебывалась в сером киселе, привычные очертания домов расплывались, теряли границы, и город напоминал собственное отражение в мутной воде — смотрел на себя и не узнавал.

Вера закуталась в плед и выглянула из спальни. Илья сидел на кухне за столом, придвинув к себе распечатки, и что-то вычеркивал карандашом на полях — быстро, резко, с той особой собранностью, которая всегда появлялась у него после важного звонка.

Горьковатый кофейный запах плавал в воздухе, смешиваясь с сыростью открытой форточки. Когда они еще жили вместе, он всегда вставал первым и варил ей кофе — не растворимую бурду, а нормальный, зерновой, из кофемашины, купленной в складчину. Вера пила его в постели, медленно просыпаясь под звук его шагов и бормотание радио.

Проснувшись под шум дождя, она на мгновение подумала, что ничего не изменилось — ни развода, ни исчезновения Майи, ни двойников. Обычное дождливое утро. Но, взглянув на его лицо, она все вспомнила. Воспоминания нахлынули, как ледяная вода через распахнутый люк сознания.

За окном каркнула ворона — хрипло, требовательно, — и этот вскрик разрезал тишину скальпелем.

— Я кое-что нашел, — сказал Илья вместо приветствия.

Она села напротив, придвинула к себе кружку с кофе — его кружку. Илья вытащил ее из коробки на антресолях, куда Вера сложила все, что напоминало о браке. Темно-синяя, с белой надписью «Следователь — это не профессия, это диагноз». Подарок коллег на сорокалетие. Странно теперь снова держать ее в руках, чувствовать пальцами знакомую шербинку на ободке, помнить, откуда она взялась — Илья уронил кружку в ту ночь, когда они в очередной раз кричали друг на друга, так, что звенели стекла в серванте.

— Помнишь, чтобы Майя перед исчезновением увлекалась краеведением? — его вопрос прозвучал странно, ведь он точно знал, что ее сестра никогда этим не интересовалась.

— Нет, — ответила Вера, скорее, чтобы убедить саму себя. — Во всяком случае, мне ничего об этом неизвестно.

— А архивными картами или подземными реками?

— Понятия не имею. Но вряд ли — я бы об этом знала.

Он пододвинул ей распечатку. Бумага мятая, с загнутыми углами, со следами чьих-то пальцев на полях.

— Я поднял ее читательский билет в Ленинке. Запросил историю заказов. Майя за месяц до исчезновения взяла три книги.

Вера пробежала глазами строчки. «Гидрогеология Москвы» — скучный технический том, явно не по ее профилю. «Подземные реки и коллекторы» — что-то из краеведческой серии. Но третья строчка ударила под дых: «Древние верования славян: вода, зеркало, заложные покойники».

— Заложные? — переспросила она. От одного этого слова тянуло могильным холодом, глубинной, илистой стужей.

— Это те, кто умер не своей смертью, — объяснил Илья тихо, но в его голосе звучала профессиональная собранность. — Утонул. Пропал без вести. Покончил с собой. По древним поверьям, их не принимала ни земля, ни вода. Они застревали между — в отражениях. Зеркала, лужи, витрины — все это для них как окна или двери, которые никогда не запираются.

Вера отодвинула кружку. Кофе вдруг показался горьким — не по вкусу, по ощущению. Во рту стоял металлический привкус, спертый и холодный, точно воздух в запертном подвале.

— Ты думаешь, она знала заранее? Знала, что с ней произойдет?

— Не знаю. Может, искала объяснение тому, что уже начало с ней происходить. Может, просто случайно наткнулась на эту тему, и тема ее затянула. Майя всегда увлекалась мистикой — обложки для книг рисовала, помнишь? Может, искала материал для работы. Но теперь я думаю, что нет. Не для работы.

— Или искала выход, — тихо сказала Вера.

Илья промолчал. Он смотрел в окно, за которым дождь размазывал городской пейзаж в мутное пятно. За внешней веселостью сестры пряталось что-то темное и глубокое, чего она не показывала никому. Даже Вере. Особенно ей. Стекло запотело по краям, собирая капли в медленные дорожки.

— Есть еще кое-что, — сказал он после паузы. — Я нашел человека, который работал с этими книгами. Вернее, не работал — он там, в Ленинке, вроде как жил. Раньше. Теперь обитает в переходах. Бывший сотрудник отдела редких фондов. Его зовут Серафим Клюев. Я попробовал пробить по базам — ничего. Пусто. Ни прописки, ни пенсионного, ни медицинской карты. Но один мой знакомый из архива помнит его. Сказал: «Клюев? Тот, что свихнулся на подземных реках? Он уволился, долго ходил по инстанциям, требовал остановить дренажные работы где-то в районе Трубной. Говорил, что мы воду злим. Потом пропал».

— Думаешь, он что-то может знать?

— Думаю, да. Или по крайней мере подскажет, в каком направлении двигаться.

— Где его можно найти?

— Переходы на «Китай-городе». Между линиями, там, где эскалаторы. Если еще жив, конечно.

Вера встала. Подошла к окну, отдернула занавеску. Лужа во дворе оставалась на месте — огромная, черная, маслянистая, неподвижная в своей глубинной тяжести. Никого в отражении. Только чистая, гладкая, ждущая вода.

— Едем, — сказала она. — Дай мне десять минут.

Илья кивнул. Вера направилась в ванную, на ходу собирая волосы в хвост. Холодная вода помогла прийти в себя, а пока она переодевалась, в голове уже складывался план: пальто, шарф, зонт — дождь за окном не собирался прекращаться. Через несколько минут вернулась, уже в джинсах и свитере, с сумкой через плечо.

— Готова, — сказала она тверже.

Они вышли из квартиры, оставив за собой аромат кофе и утреннюю тишину. Морось оседала на лицах, смешиваясь с дыханием, и их шаги эхом раздавались по мокрому асфальту, пока шли к «Шкоде».

«Китай-город» встретил их сыростью и сквозняком, который гулял по подземным переходам, не встречая преград. Коридор между оранжевой и фиолетовой линиями тянулся длинным, гулким бетонным рукавом, похожим на кишку каменного зверя. Эскалаторы работали вхолостую, людей мало — еще рано для утреннего часа пик.

Илья и Вера миновали заколоченный киоск с выцветшей вывеской «Ремонт обуви», прошли мимо закрытого ларька с шаурмой, обогнули колонну, обклеенную обрывками старых объявлений. Нигде никакого старика. Вера уже решила, что Илья ошибся адресом или Клюев,

если он еще жив-здоров, давно перебрался в другое место — может, на «Третьяковскую» или в любую другую щель подземного лабиринта — когда заметила странное.

На стене перехода, в том месте, где кафель отходил от бетонного основания, кто-то нацарапал длинную цепочку знаков. Не граффити и не буквы, а настоящую схему.

Она подошла ближе. Линии, круги, стрелки, похожие на карту подземных коммуникаций, но слишком прихотливые и нелогичные для инженерного чертежа. Одна линия ветвилась на три, три сходились в одну. В центре схемы темнел кружок, заштрихованный изнутри так яростно, что кафель в этом месте оказался пробит до основания, обнажив серый бетон.

Вера осторожно коснулась углубления пальцами, но тут же отдернула руку. Углубление оказалось холоднее, чем она ожидала. Этот холод она уже чувствовала раньше. В лифте. На пороге между своим миром и чужим.

— Смотри, — позвал Илья, стоя у поворота в темный тупиковый коридор с одинокой лампочкой, горевшей вполнакала.

Под лампочкой, на куске рифленого картона, сидел старик. Казалось, он провел здесь годы, десятилетия, целую жизнь, которую город вытер о свои подземные стены. Тулуп с вытершимся мехом на воротнике, заскорузлые ботинки, перемотанные синей изолентой, руки в старых вязаных перчатках с отрезанными пальцами.

У его ног стояла жестяная кружка с горстью мелочи. Он не просил милостыню — сидел молча, привалившись спиной к стене, и смотрел перед собой, в одну точку на противоположной стене, где нет ничего, кроме серого кафельного квадрата. Где-то вдалеке, в глубине переходов, ухнула вентиляционная шахта — низко, утробно, словно город сделал вдох. По бетону пробежала дрожь, отозвавшись в подошвах.

Вера и Илья подошли ближе. Старик не шевельнулся.

— Серафим Ключев? — спросил Илья.

Тишина. Только лампа под потолком чуть слышно жужжала, словно отсчитывая ритм — монотонный, как шаги воды по водостоку.

— Мы ищем информацию, — продолжил Илья, присаживаясь перед стариком на корточки. — Вы работали в Ленинке. В отделе редких фондов. Вы знаете что-то о книгах, которые запрашивала Майя Андреева полгода назад. «Древние верования славян», «Подземные реки». Вы давали ей эти книги?

Старик медленно перевел взгляд на Илью. Глаза у него выцветшие, почти белые, но не слепые. Они двигались осмысленно, фокусировались и жили. Вот только фокусировались они не на Илье, а смотрели сквозь него — на Веру.

— Отражение потеряла, — произнес старик голосом, похожим на шорох сухих листьев или трение камня о камень. — Вон та, что прячется за тобой.

## Глава 11. Закон воды

Вера вздрогнула. Откуда ему знать, что она больше не отражается в зеркале? Ведь не успела еще ни словом обмолвиться с ним, да и внешне ничем не выделялась — обычный промокший пассажир метро. Но старик увидел сразу — еще до того, как Вера успела отвести глаза. Может, те, кто потерял свое отражение, становятся узнаваемыми для тех, кто вообще перестал смотреть в зеркала?

— Я не прячусь, — сказала она.

— Прячешься, — возразил старик спокойно. — Все прячутся, кто теряет. Думаете, если в зеркало не смотреть, оно вас не увидит? Еще как увидит. Зеркало всегда наблюдает. Даже когда вы не смотрите в него. Особенно тогда.

Илья достал из внутреннего кармана планшет и включил запись. На экране загрузилось то самое видео — мужчина в темной куртке, лужа на асфальте и рука, увлекающая его вниз. Это исчезновение длилось меньше секунды, но казалось вечностью.

— Посмотрите, — сказал Илья. — Что вы об этом знаете?

Старик равнодушно взглянул на экран. Его лицо оставалось неподвижным — ни удивления, ни страха, ни интереса. Так смотрят на что-то привычное, знакомое до мелочей, как на свою тень.

— Знаю. Все знают, кто не боится знать.

Он пошарил за пазухой тулупа, извлек мятую пластиковую бутылку с водой и сделал глоток. Кадык на морщинистой шее дернулся, прошел вниз и вверх, как поплавок на волне. Отерев губы тыльной стороной ладони, старик продолжил:

— Под Москвой река течет. Не одна. Много. Неглинка, Пресня, Чечера, Лихоборка. Их в трубы забили, под землю загнали, а они живые. Вода, она ведь память держит. Все, что в нее упало, все, что она видела, — все помнит. Люди, которых она забрала, — они там. В отражении. Только это не отражение. Это место. Настоящее место. Вход через любую воду, выход... — пожевал губами, подбирая слова. — А выхода нет. Если сам не найдешь. Если за тобой не придут.

— Майя Андреева, — сказала Вера, и голос ее дрогнул, сорвался в хрип. — Она запрашивала у вас книги. Вы ее помните?

Старик поднял на нее глаза, и в мутной радужке протаяла растерянная, нежданная печаль — теплая, почти родная, а пальцы на колене шевельнулись, выдавая волнение.

— Помню. Рисовала хорошо. Показала мне свои работы. Обложки для книг. Чудные такие — вода, глаза, лестницы вниз. Я ей сказал тогда: «Не лезь. Не ищи то, что само тебя ищет». А она засмеялась. Сказала: «Уже нашло».

Сердце Веры замерло, пропустило удар, потом еще один, будто разучилось держать ритм. Майя все знала. Еще задолго до своего исчезновения. Знала, но все равно пошла на дно, шагнула туда с открытыми глазами, сознательно, по собственной воле.

— Что ее нашло? — спросила Вера.

— Не «что», — старик пошамкал беззубым ртом, и звук получился влажный, чавкающий. — Кто. Тот, кто ждет и помнит всех. Он всегда там, где вода. От него трудно спрятаться. Особенно когда идет дождь.

— Как его найти?

— Не надо его искать. Он сам тебя найдет. Ты уже его видела.

Вера вспомнила лифт, пронизывающий до костей холод и улыбку на собственном лице — ту, что до безобразия растянула ее губы против воли. А еще — прижатый к губам палец с обломанным грязным ногтем и это злое: «Тсс».

— Оно не злое, — сказал старик. — Оно никакое. Просто место, память, вода. Ему одиноко. Оно забирает тех, кто хочет, чтобы их забрали. Майя хотела. Я ей говорил, чтоб не лезла. А она уже решила. Еще до того, как прийти ко мне. Решила и пришла не за знанием — проститься.

— Почему она выбрала вас, чтобы проститься? — Вера с трудом сдержала крик и слезы. — Наверное, не хотела, чтобы ей помешали, — пожал плечами тот.

Илья подался вперед, заслоняя собой Веру, которая нуждалась в передышке.

— Вы говорили с ней об этом? — спросил он старика. — Майя объяснила, почему она решила так поступить, что подвигло ее на это, зачем ей это понадобилось, чего она хотела там найти?

— Ой-ей, не так часто! — лениво отмахнулся от него старик. — Тараторите, как бабка на рынке.

Илья побледнел, но ничего не ответил, а впился в него глазами, полными ледяного ожидания.

— Не объяснила, — вздохнул Клюев с обреченным видом. — Но я видел. У нее внутри сидела чернота. Она ее прятала. Улыбалась, рисовала, смеялась. А внутри — черно. Я такие вещи вижу. Всех вижу, кто приходит. Ты, — он ткнул пальцем в Илью, и палец этот, кривой, с желтым ногтем, уперся в воздух, но Илья отшатнулся, будто его коснулись, — носишь вину. Старую, как шрам. Думаешь, что не уберег. А ты, — палец указал на Веру, — носишь пустоту. Думаешь, что если вернуть сестру, она заполнится. Не заполнится. Пустоту свою возвращением не закрыть — не поэтому Майя ушла. Она ушла потому, что ее позвали. И она ответила.

Вера молчала. Слова старика попадали в самую сердцевину боли, которую она носила в себе полгода, — не мимо, не рядом, а прямо в центр. Под сводами перехода снова что-то ухнуло, и эхо прокатилось по кафельным стенам, осыпая с них невидимую пыль.

— Как ее вернуть? — тихо спросила Вера.

— Вернуть? — Старик склонил голову набок, как ворон, разглядывающий что-то блестящее. — А зачем возвращать? Ей там хорошо. Спокойно. Никто не обидит. Это здесь больно. Дождь, зло, одиночество. А там — все вместе. Она не одна. Ей не страшно.

— Неправда, — сказала Вера. — Она просила помочь. Сегодня ночью. Стояла в луже под моим окном и просила помочь. Сказала: «Они не отпускают». Поэтому нет, вы не правы. Ей не хорошо и совсем не спокойно. Поэтому либо вы ничего не знаете и придумываете, либо набиваете себе цену. Моя сестра просила о помощи, и я помогу.

Серафим Клюев долго молчал. Где-то мерно, в такт ударам сердца, капала вода. Потом открыл крышку своей пластиковой бутылки и вылил остатки воды на кафельный пол перехода. Лужица растекалась, превратившись в грязную, мутную жижу с крошками табака и мелкими ворсинками от картона. Он наклонился над ней и поманил Веру пальцем.

— Вон, смотри.

Вера присела на корточки и заглянула в лужу. Сначала увидела только грязный кафель и мутную воду, которая дрожала от проходящего вдалеке поезда. Но вдруг вода заволновалась по-другому — пошла кругами, и из глубины на нее уставились лица. Много — десятки. Сотни. Они теснились там, внизу, смотрели снизу вверх, тесно прижавшись друг к другу. В их пустых, беззрачковых глазах отражался один и тот же покой — глубокий, неподвижный, как вода в заброшенном колодце.

От неожиданности Вера вздрогнула и инстинктивно отпрянула. Старик провел ладонью над лужей, и лица в ней исчезли.

— Видела? Им там хорошо. Если хочешь туда — просто руку протяни, и все станет легко. Гораздо легче, чем жить. Сам бы ушел, да вот не зовут. У меня-то отражение на месте. А у тебя? Чувствуешь холод внутри? Оно уже тебя выбрало. А меня — нет. Я просто знаю правила. Сначала нужно потерять свое отражение — внести залог, так сказать.

— А как выйти?

— Выйти? — старик улыбнулся, показав розовые беззубые десны, улыбка вышла жуткой и ласковой одновременно. — А выхода оттуда нет. Если только кто-то не займет твое место. Один заходит, другой выходит. Закон. Не мой. Того, кто в воде. Обмен должен быть добровольным. И не просто добровольным. По любви. Иначе никак. Иначе вода не примет замены — погубит обоих.

— По любви? — переспросила Вера.

— По любви, — подтвердил Ключев. — Не по долгу. Не по чувству вины. Не по отчаянию. А по любви. Только она проходит сквозь воду в обе стороны, открывает дверь и держит ее открытой, пока один выходит, а другой заходит. Ты любишь сестру — ты вошла. Если кто-то любит тебя так же сильно, он сможет тебя заменить. Но захочет ли? Захочет ли кто-то умереть ради того, чтобы ты жила?

Он посмотрел на Илью. Илья выдержал его взгляд, не отводя глаз. Желваки на скулах заходили ходуном, а пальцы, лежавшие на колене, сжались в кулак.

— Я тебя не знаю, — сказал старик, обращаясь к нему. — Но ты уже думаешь об этом. Прямо сейчас думаешь. Вижу. Не советую. Тот, кто входит, выходит не таким, как прежде. Вода меняет. Она помнит. А она, — он кивнул на Веру, — перестанет быть собой. Станет частью воды, частью ее памяти и будет жить с этим. Сможет? Сможет жить, зная, что ты там, в холоде и тишине, вместо нее?

Илья молчал, нахмурившись, взгляд потускнел.

— Моя сестра там, — сказала Вера. — И она просила помочь. Не важно, что вы говорите. Не важно, хорошо ей там или плохо. Если нужен обмен — я найду того, кто согласится. Или сама...

— Сама не сможешь, — перебил старик. — Ты уже там отметилась. Тебя вода запомнила, вписала в свою книгу. Если войдешь снова — останешься навсегда. И никто тебя не заменит. Дважды не меняются. Таков порядок. Знаю, что не веришь, но лучше послушай меня.

Вера замолчала. Старик поднял с пола пустую бутылку, завинтил крышку и сунул обратно за пазуху, где она исчезла в складках тулупа.

— Я больше ничего не знаю, — сказал он, отворачиваясь к стене. — Идите. Мокро у вас. А у тебя уже началось, — мотнул головой в сторону Веры. — Холод внутри будет расти. Медленно, но каждый день. Пока не заполнит все. А когда заполнит, станешь как твоя сестра. Частью воды. Может, оно и к лучшему. Может, так и надо. Я не судья.

Серафим Ключев закрыл глаза. Под потолком мигнула и снова зажглась лампочка. Где-то далеко, в глубине переходов, прошелестел невидимый поезд — звук прошел сквозь бетонные стены, кафельный пол, дрожащий от сырости воздух и растворился в тишине.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.